

MYTHOPOEIC SENTIMENTS IN C.S. LEWIS' PROSE OF THE LATE PERIOD IN THE CONTEXT OF HIS PHILOSOPHICAL BELIEFS
МИФОТВОРЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПРОЗЕ К.С. ЛЬЮИСА ПОЗДНЕГО ПЕРИОДА В СВЕТЕ ЕГО ФИЛОСОФСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ

Efimova L.N. / Ефимова Л.Н.

c.p.s.

ORCID: 0000-0002-6159-6149

Shekhireva N.A. / Шехирева Н.А.

c.p.s.

ORCID: 0000-0002-7024-150X

SPIN: 5744-2170

*Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Stremyanny lane, 36, 117997*

*Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
Москва, Стремянный пер., 36, 117997*

Аннотация: В статье рассматривается художественное творчество К.С. Льюиса 1950-1960 гг. XX века в свете его философских взглядов на миф. Авторами раскрывается определение понятия мифа, его особенности и характерные черты, а также приводится перечень работ писателя, в которых он не просто описывает мифологический материал, а наделяет его огромным смысловым значением. Для К.С. Льюиса миф – реальность, имеющий прямое отношение к фундаментальным основам бытия. Авторы приходят к выводу, что обращение писателя к мифу представляет собой серьезное осмыслением его роли в истории философской и литературной мысли.

Ключевые слова: миф, мифотворчество, хронотоп, философская мысль, мифологическая модель, художественная проза

Вступление

Творчество К.С. Льюиса необычайно разнообразно как в художественном, так и жанровом отношении. Это и роман-аллегория, и притча, и фантастический роман с выраженными элементами фэнтези, и философский роман, и фэнтези в чистом виде. В то же время при всем жанровом богатстве прозы писателя, его художественная система чрезвычайно гармонична и органична.

По мнению М.А. Штейнман, Льюис, как и Толкиен, уделял мифу большое внимание в своих произведениях.

В основе творчества К.С. Льюиса в период 1950–1960 гг. XX века также лежит мифология (в частности, в этом аспекте следует вспомнить роман «Пока мы лиц не обрели»).

Основной текст

Миф (от греч. *mythos* – ‘предание’) – это, согласно «Литературной энциклопедии терминов и понятий», «древнейшее сказание, являющееся неосознанно-художественным повествованием о важных, часто загадочных для древнего человека природных, физиологических, социальных явлениях, происхождении мира, загадке рождения человека и происхождении человечества, подвигах богов, царей и героев, об их сражениях и трагедиях <...>. Принципиальной особенностью мифа является его синкретизм, – слитность, нерасчлененность различных элементов художественного и

аналитического, повествовательного и ритуального» [2, С. 559–560]. Свое, авторское определение понятию «миф» давали многие зарубежные и отечественные ученые XIX–XX веков. Среди них можно назвать таких, как Н. Фрай, З. Фрейд, Дж. Фрейзер, К. Юнг, С. Аверинцев, А. Лосев и др. Так, С.С. Аверинцев полагает, что мифом следует называть «цельную систему первобытной духовной культуры и науки, в терминах которой воспринимается весь мир» [1, С. 607].

Кроме того, Т. Д'Аен, Р. Барт, Карпентер, У. Эко, а также М. Бахтин, В. Жирмунский, А. Зверев, Ю. Лотман, Е. Мелетинский, Ю. Тынянов, В. Ходасевич, А. Эсалнек и многие другие исследователи отмечают в своих трудах, что в художественных произведениях, созданных в XX столетии, все чаще встречаются мифологические мотивы, причем они приобретают совершенно новые черты по сравнению с предшествующими периодами развития литературного процесса, хотя, как отмечает А. Зверев, «само по себе обращение к мифу как источнику сюжетов и образов далеко не новость в искусстве – это норма, по меньшей мере, с эпохи Ренессанса» [4, С. 33].

Литературовед А. Зверев подчёркивает, что в XX веке «мифологические реминисценции используются по-новому < ... > это не просто параллели к сюжету произведения, не просто цитаты – отсылки к общеизвестному, а главным образом опоры того синтеза, который художник стремился достичь» [4].

Ссылаясь на труд Н. Франка (который, в свою очередь опирался на изыскания Джойса, Паунда, Пруста), посвященный мифологическому времени, Е.М. Мелетинский, утверждает, что пафос современного мифологизма выражается «в выявлении неких неизменных, вечных начал, позитивных или негативных, просвечивающих сквозь поток эмпирического быта и исторических изменений» [3, С. 296]. Исследователь утверждает, что «мифологическое время вытесняет ... объективное историческое время, поскольку действие и события определенного времени представляются в качестве воплощения вечных прототипов» [Там же].

Результатом такого творческого и в то же время современного переосмысления мифологии стали многие художественные произведения XX века, написанные в новых жанрах. Это и роман-миф, и драма-миф, и поэма-миф.

Как известно, в основе романа Д. Джойса «Улисс» лежит миф о странствованиях античного героя Одиссея. Произведение Т. Манна «Волшебная гора» – это авторская интерпретация мифа о Тангейзере. Л. Фейтвангер в своей книге «Иосиф и его братья» по-своему представляют библейский миф об Иосифе. И это еще далеко неполный перечень произведений, созданных по мотивам античной или библейской мифологии.

К. Льюис, будучи писателем и лингвистом по призванию, не мог остаться в стороне от новых тенденций в художественной литературе, однако нельзя утверждать, что его обращение в своем творчестве к мифологии – это дань моде: в произведениях этого автора мы наблюдаем глубокое погружение в устное народное творчество и его переосмысление. Писатель анализирует роль

мифа в развитии философской и литературной мысли.

Так, в своем труде «An Experiment in Criticism» («Эксперимент в Критике») К. Льюис перечисляет основные черты, характерные для мифа. В частности, это независимость от авторского языка, используемого им в своем произведении; неизвестность и удивление как отличительные нарративные черты; непредсказуемость событий; минимальные сопереживания героям; выражение фантастического, невозможного и надприродного; некомичность, серьезность; предопределенность, но в то же время непостижимость хода событий [5, С. 113].

Из духовной биографии К. Льюиса «Настигнут Радостью» мы узнаем о том, что писатель был знаком не только с античной и древнеегипетской мифологией, но и прекрасно знал исландские и ирландские саги, скандинавские и германские легенды, он опирался в своем творчестве и на библейские сюжеты. Прозаик обожал такие оперы Вагнера, созданные по мотивам народного творчества, как: «Кольцо Нибелунгов», «Тристан и Изольда», «Парсифаль», «Лоэнгрин». Книга А. Рекхема «Зигфрид и Сумерки Богов», основанная на мифологии, также очень нравилась К. Льюису.

К. Льюис, как Дж. Р.Р. Толкиен, с которым писатель был очень дружен, высоко ценил мифологические символы, используемые авторами как в эпосе, так и в лирике. По мнению писателя, мифология – это не просто плод воображения, это нечто большее, поскольку мифы проецируют божественное мировосприятие на нашу повседневность.

К. Льюис неоднократно подчеркивал, что особую ценность романов Толкиена «Властелин колец», Уэллса «Дверь в стене», Кафки «Замок» составляет их мифологическая основа.

В труде под названием “Religion Without Dogma?” («Религия без Догмы?») К. Льюис приводит примеры разного понимания мифа: “were accepted as literary true, then as allegorically true (by the stoics), as confused history (by Euhemerus), as priestly lies (by the philosophers of the Enlightenment), as imitative agricultural ritual mistaken for propositions (in the days of Frazer)” <...> “a divine hinting in poetic and ritual form of the universe” [6, С. 131–132] – *«мифы воспринимались как правдивая литература, затем как достоверная аллегория (стоиками), как запутанная история (эвгемеристами), как выдумки священнослужителей (философами эпохи Просвещения), как имитация сельскохозяйственных ритуалов, их неправильная интерпретация, <...> но тем не менее включили в себя и наше не божественное присутствие»* (перевод наш по: [6, С. 131–132]). Все эти толкования, так или иначе, проявляют себя в художественном творчестве К.С. Льюиса.

Как уже было сказано выше, в романе К.С. Льюиса «Пока мы лиц не обрели» очень сильны мифологические тенденции (сюжет основан на авторской интерпретации мифа о Купидоне и Психее). Это произведение автор посвятил своей супруге Джой Дэвидман.

Критики высоко оценили это произведение. Так, Ч. Уолш отмечал, что роман Льюиса «Пока мы лиц не обрели» можно считать романом-мифом с ярко выраженным христианским содержанием, а Э. Гибсон полагал, что по жанру

эта книга ближе к роману-аллегории [7, С. 94–95].

Еще один критик – П. Крифт написал об этом произведении К. Льюиса следующее: «Is not a myth in this cosmic sense, though it is labeled» a myth [Cupid and Psyche] retold. <...> It is a «realistic» (historical) novel of conflicting myths: that of the Greek god of light, Apollonian reason, and that of Ungit the dark god of Dionysian blood and mystery» [8, С. 53]. – «Это не является мифом в космическом смысле этого слова, хотя в основе и есть миф об Амуре и Психее. Это «реалистический» (исторический) роман о двух противоборствующих силах: греческом боге, несущем светлое начало, – Апполоне и воплощении зла – кровавом Дионисе в лице богини Унгит» (перевод наш по: [8, С. 53]).

Уместно заметить, что Льюис не просто выписывает мифологический материал, он наделяет его огромным смысловым значением. Для писателя миф – реальность, имеющая прямое отношение к фундаментальным основам бытия.

Выбранная писателем *мифологическая модель* позволяет ему реализовать свой творческий замысел, связанный с раскрытием характеров главных героев.

Особенность романа «Пока мы лиц не обрели» К. Льюиса состоит в том, что здесь неспецифический хронотоп (пространственно-временная модель) – это мифологическое время, которое во многом пересекается с моделями мифологического пространства, созданными в своих произведениях Лоуренсом, Йейтсом, Джойсом, Манном и другими авторами, хотя этих писателей больше интересовала пространственная, а не хронологическая структура мифа. Содержательная сторона самого мифа органически сочеталась у этих авторов с художественным замыслом [9, С. 15].

В философском романе-притче «Пока мы лиц не обрели» религиозные системы тесно взаимосвязаны с мифологическими моделями и рассматриваются через мировосприятие персонажей, через отношение к своим героям самого К. Льюиса.

В эпилоге романа мы видим смирение главной героини Оруаль накануне ее кончины, ее осознание всемогущества Бога, его непостижимости.

Заключение

Таким образом, обобщая все вышесказанное, можно отметить, что анализ творчества К.С. Льюиса периода 1950–1960 годов позволяет нам утверждать следующее: философско-религиозные воззрения автора, отражённые в его трудах, датируемых 30–40-ми годами XX века, приобретают свою целостность и завершенность.

В частности, именно христианская проблематика и своеобразная авторская позиция во многом обусловили жанровое разнообразие произведений К. Льюиса, написанных им в 50–60-е годы прошлого столетия.

В своём творчестве в этот период автор обращается к темам любви и дружбы, в его романах возникают мотивы смерти и страдания, его герои осмысливают понятия *чудо, человеческое счастье, вера*. Мифология становится сюжетообразующим фактором во многих произведениях писателя в этот период. В отношении к духовно-нравственным категориям К. Льюис проявил себя как глубокий христианский писатель.

Литература:

1. Аверинцев С.С. София-Логос. – Киев: Дух и Литера, 2000. – 912 с.
2. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. – М.: 2003. – 1600 с.
3. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М.: Наука, 1976. – 407 с.
4. Художественные ориентиры зарубежной литературы XX века [Текст]: Сборник / Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького РАН. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – 567 с.
5. C.S. Lewis An Experiment in Criticism. Cambridge University Press: Cambridge, 1961. – P.110-115.
6. C.S. Lewis God in the Dock: Essays on Theology and Ethics. Edited and with a preface by W. Hooper, Eerdmans: Grand Rapids, Michigan, 1970. – 346 p.
7. Gibson, E. C.S. Lewis Spinner of Tales. Christian University Press: Washington, Dc. 1980. – 284 p.
8. Kreeft, Peter. C.S. Lewis: A Critical Essay. Eerdmans: Grand Rapids Michigan, 1969.
9. The Cambridge Companion of Modernism // Ed. by Michael Ievenson University of Virginia, Cambridge University Press, 1999. – 246 p.

References

1. Averincev S.S. Sofija-Logos. – Kiev: Duh i Litera, 2000. – 912 s.
2. C.S. Lewis An Experiment in Criticism. Cambridge University Press: Cambridge, 1961. – P.110-115.
3. C.S. Lewis God in the Dock: Essays on Theology and Ethics. Edited and with a preface by W. Hooper, Eerdmans: Grand Rapids, Michigan, 1970. – 346 p.
4. Gibson, E. C.S. Lewis Spinner of Tales. Christian University Press: Washington, Dc. 1980. – 284 p.
5. Khudozhestvennyye orientiry zarubezhnoi literatury XX veka [Tekst]: Sbornik / In-t mirovoi lit. im. A. M. Gor'kogo RAN. – M.: IMLI RAN, 2002. – 567 s.
6. Kreeft, Peter. C.S. Lewis: A Critical Essay. Eerdmans: Grand Rapids Michigan, 1969.
7. Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii, pod red. A.N. Nikolyukina. – M.: 2003. – 1600 s.
8. Meletinskii E.M. Poetika mifa. – M.: Nauka, 1976. – 407 s.
9. The Cambridge Companion of Modernism // Ed. by Michael Ievenson University of Virginia, Cambridge University Press, 1999. – 246 p.

***Abstract:** The article deals with the C.S. Lewis' artwork of 1950's-1960's in relation to his philosophical views on myth. The authors explain the concept of myth, its features and distinguishing characteristics, and provide a list of writer's works in which he not only describes mythological material but also endues it with great semantic meaning. For C.S. Lewis myth is an objective reality directly relating to the basic principles of infinite being. The authors come to a conclusion that the writer's appeal to myth represents a thorough understanding of its role in the history of philosophy and literature.*

***Key words:** myth, mythopoetry, chronotopos, philosophical conception, mythological pattern, prose fiction*

Статья отправлена: 01.04. 2021 г.
© Ефимова Л.Н., Шехирева Н.А.